

3. Героическая оборона. – 2-е изд., доп. – Минск: Изд-во Госиздат БССР, 1963. – 598 с.
4. Бресткая крепость // Великая Отечественная война 1941–1945: энцикл. / редкол.: Ю. Я. Ба-
рабаш [и др.]. – М.: Сов. энцикл., 1985.
5. Брэсцкай крэпасці абарона 1941 // Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне, 1941–1945: эн-
цыкл. / рэдкал.: І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БелСЭ, 1990.
6. Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 / А. А. Коваленя (рук. авт.
кол-ва) [и др.]. – Минск: БелТА, 2005. – 544 с.
7. Алиев, Р. В. Штурм Брестской крепости / Р. В. Алиев. – М.: Яуза; Эксмо, 2008. – 800 с.
8. Бресткая крепость. Война и мир / автор концепции и текста А. Суворов. – Брест:
Полиграфика, 2010. – 256 с.
9. Алиев, Р. В. Брестская крепость: док. и воспоминания / Р. В. Алиев. – М.: Вече, 2010. – 448 с.
10. Данясенне аб ходзе баявых дзеянняў пры ўзяцці Брэст-Літоўска // Беларуская думка. –
2010. – № 5. – С. 93–97.
11. Новікаў, С. Я. Абарона Брэсцкай крэпасці летам 1941 года ў аэцы гістарыяграфіі
і ў святле дакументаў / С. Я. Новікаў // Беларуская думка. – 2010. – № 5. – С. 88–92.
12. Алиев, Р. В. Брест. Июнь. Крепость: в 2 кн. – Брест: Полиграфика, 2012. – Кн. 1 /
Р. Алиев, И. Рыжов. – 272 с.
13. Ганцар, К. Нямецкія і савецкія страты як паказчык працягласці і інтэнсіўнасці баёў за
Брэсцкую крэпасць / К. Ганцар // АРСНЕ. – 2014. – № 5. – С. 135–153.
14. Новікаў, С. Я. Абарона Брэсцкай крэпасці: гістарыяграфічныя міфы і гістарычная рэ-
альнасць / С. Я. Новікаў // Историческое наследие 1941 года в исследованиях и экспозициях
музеев: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию обороны Брестской крепости,
Брест, 9–11 июня 2011 г. – Брест: Альтернатива, 2013. – С. 22–29.
15. Аб прысуджэнні спецыяльнай прэміі Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь дзеячам культу-
ры і мастацтва 2014 года // СБ. Беларусь сегодня. – 2015. – 3 янв.
16. Новікаў, С. Я. Лепельская аперацыя летам 1941 года: спроба навуковай інтэрпрэтацыі /
С. Я. Новікаў // Беларускі гістарычны часопіс. – 2012. – № 11.
17. Новікаў, С. Я. Абарона Магілёва 1941 года: новыя звесткі / С. Я. Новікаў // Беларускі
гістарычны часопіс. – 2012. – № 7. – С. 15–16.
18. Бой 2-га батальёна 6-га танкавага палка пад Магілёвам // Беларускі гістарычны часопіс. –
2007. – № 7. – С. 14–19.
19. Новікаў, С. Я. Беларусь улетку 1941 года: новыя падыходы ў даследаванні баявых дзеян-
няў / С. Я. Новікаў. – Мінск: МДЛУ, 2014. – 300 с.
20. Дырэктыва А. Гітлера № 34 аб далейшым вядзенні вайны на ўсходзе ад 30.7.1941 г. //
Беларусь улетку 1941 года... / С. Я. Новікаў – С. 204.
21. Новікаў, С. Я. Беларусь улетку 1941 года: новыя падыходы ў даследаванні баявых
дзеянняў / С. Я. Новікаў. – 2-е выд., выпр. і дап. – Смаленск: Універсум, 2015. – 436 с.

Е. Я. Павлова (Мінск)

АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПАРТИЗАН С МЕСТНЫМ НАСЕЛЕНИЕМ

Национальный архив Республики Беларусь (НПРБ) и (Белорусский госу-
дарственный музей истории Великой Отечественной войны) БГМИВОВ явля-
ются основными хранилищами документов по истории партизанского движения.
На протяжении двух последних десятилетий большинство ранее засекречен-
ных документов переведено в общий доступ. Ограничения в доступе в соот-
ветствии со статьей 29 белорусского архивного законодательства остались

лишь в отношении документов, содержащих информацию личного характера. В начале 2000-х годов научно-справочный аппарат военных фондов подвергся переработке. Были полностью пересмотрены все дела и составлены подробные заголовки. Проблема взаимоотношений партизан и крестьян в данных названиях отражена. В связи с этим возникает необходимость проанализировать документы тогдашней Беларуси на предмет использования их в качестве репрезентативных и достоверных источников.

Основными документами, содержащими информацию о взаимоотношениях партизан и местных жителей, являются фонды подпольных партийных, комсомольских организаций и самих партизанских формирований. В составе упомянутых комплексов сохранены материалы подпольного и партизанского делопроизводства, судопроизводства, распорядительные документы высших партийных и партизанских органов, жалобы и обращения местных жителей, истории партизанских формирований и т. д. Материалов за начальный период партизанского движения сохранилось мало. Документы местного происхождения в большинстве – подлинники. Распорядительные документы высших органов и отчеты партизанских формирований о политико-массовой работе сохранились в копиях. Большинство упомянутых источников создавалось для внутренних нужд в системе секретности.

Как следует из сохранившейся докладной записки в ЦК КП(б)Б от секретаря Гомельского горкома партии С. Ф. Антонова, прибывшего из соединения И. П. Кожара (Гомельская область), к партизанам до середины 1942 г. относились недоверчиво: «...Бывали нередко случаи, когда многие крестьяне даже не желали встречаться с партизанами, закрывали дверь и не пускали в хату... Почувствовав всю неправоту нового правителя, крестьяне потеряли чувство страха перед немцами и увидели в партизанах своих спасителей» [8, л. 43об.].

Несмотря на то что помощь и спасение местных жителей формально не входили в задачи советских партизан, в документах описано множество примеров таких действий народных мстителей. Партизаны помогали местному населению в организации и проведении сельскохозяйственных работ: во всех партизанских зонах мобилизовывали личный состав для помощи и охраны крестьян, предоставляли семенной фонд, выделяли лошадей и крупный рогатый скот. В качестве примеров можно привести документы 10-й Журавичской бригады Гомельской области и отряда им. В. Чкалова бригады «Советская Белоруссия» Пинской области [11, л. 107, 108; 25, л. 126; 38, л. 39–39об.; 45, л. 115; 46, л. 67]. Этим партизаны завоевывали симпатии населения, которое помогало им.

Партизанские медработники не делали различий между своими бойцами и местным населением, о чем свидетельствуют документы НАРБ и БГМИВОВ. В 1942 г. начальником санслужбы партизанского отряда А. И. Далидовичем на территории Загальского сельсовета в д. Старосек был организован медпункт для населения [1]. В сентябре 1942 г. было принято постановление Витебского исполкома «О медобслуживании партизан и населения» [5]. За санчастью

каждого полка и ВОГ при Быховском РК КП(б)Б Могилевской области были закреплены определенные населенные пункты, куда систематически выезжали медработники [47, л. 59–60]. В 1943 г. медработники партизанского отряда им. В. С. Дунаева бригады им. Чапаева 60 раз оказывали на дому помощь местным жителям [6].

Значимой была и помощь партизан в строительно-восстановительных работах. Отряд им. Чкалова бригады «Советская Белоруссия» Минской области построил и пустил в ход паровую мельницу для крестьян [11, л. 107–108]. Минский обком партии весной 1943 г. дал указания руководящему составу бригад и отрядов организовать практическую помощь в постройке жилых помещений для населения, пострадавшего от карателей деревень [11, л. 144–146]. Как следует из политдонесения комиссара бригады «Дяди Коли» Н. Чулицкого, «в деревнях, закрепленных за отрядом им. Сталина в январе 1944 г., партизанами проводились занятия по восстановлению дорог и мостов» [13, л. 203]. Отдельная тема – партизаны и дети. Так, только среди документов партизанских формирований Могилевской области (ОАФ № 1406) находится восемь единиц хранения, содержащих информацию о организации вывоза детей в советский тыл.

На оккупированной территории представители советской власти должны были прислушиваться к потребностям населения. В процессе подготовки материала нами был найден интересный документ – приказ Лидского партийного межрайцентра, согласно которому 26.11.43 г. группа партизан отряда им. С. М. Кирова Чкаловской бригады сожгла костел как потенциальную огневую точку противника. Руководство Барановичского обкома назвало этот поступок антигосударственным и дало указание местным парторганам и командованию бригады «Вперед» приступить к ремонту костела. Предполагалось привлечь к этому местное население, объяснив людям, что лица, виновные в данном преступлении, наказаны по закону военного времени [16, л. 19].

Функции органов власти в освобожденных от захватчиков районах могли осуществлять партизанские коменданты [46]. В НАРБ сохранились «Временное наставление комендантам населенных пунктов зоны партизанских действий» по Барановичской области и «Инструкция коменданта местечка, деревни» Вилейской области. Из указанных документов следует, что «в целях установления порядка в деревнях, обеспечения правильного взаимоотношения партизан с местным населением, удовлетворения запросов и нужд местного населения, принятия своевременных мер по защите и выводу населения из-под ударов противника, полиции и прочих вооруженных бандформирований командование каждого партизанского отряда назначает комендантов их проверенных партизан в деревнях зоны своей деятельности». Заготовка продуктов партизанами, использование транспорта, принадлежащего крестьянам, а также отдых и остановка на ночлег партизан проходили исключительно по указанию коменданта. Бесцельное пребывание партизан в деревнях категорически запрещалось. О случаях неподчинения комендант немедленно сообщ-

шал командованием отряда. Из проверенных людей комендант создавал в населенном пункте отряды самообороны, разрешал им приобретать и держать у себя оружие, которое бралось на учет командованием отряда. Комендант устанавливал ночное дежурство и дневное наблюдение в зоне своей деятельности, имея при себе связных, посредством которых поддерживал связь с отрядом и другими комендатурами [14, л. 99–100; 16, л. 35]. Комендант должен был приглашать в свой населенный пункт медицинский персонал отряда для оказания помощи больным и общего медицинского обследования, для контроля за соблюдением санитарной гигиены в деревне. В период уборки урожая комендант отвечал за своевременную уборку хлеба в этом населенном пункте (общественного и частного); беспощадно вел борьбу со шпионажем [30, л. 23]. Комендант оказывал помощь в сборе обуви и обмундирования для партизан на зимний период, проводил разъяснительную работу и контролировал сам процесс передачи теплых вещей [32, л. 32–32об.].

Необходимо признать большую роль местных крестьян в снабжении партизан оружием [11, л. 107–108]. Население Ветринского и Ушачского районов Витебской области передало партизанским формированиям 430 винтовок и 25 пулеметов. История партизанской бригады им. Доватора Куренецкого района Вилейской области информирует, что от населения партизаны получили 17 винтовок, 15 пистолетов и наганов [45, л. 115; 46, л. 67]. Особые усилия предпринимались партизанами для того, чтобы организовать среди населения сбор денежных средств и ценностей для вооружения РККА [10, л. 108–112; 17, л. 21; 19, л. 66; 43, л. 347–350].

Хозяйственные операции являлись тем аспектом партизанской деятельности, который непосредственно затрагивал местное население и влиял на формирование образа партизан. Если в 1941–1942 гг. в директивных установках советских руководящих органов по вопросу поставки продовольствия использовались расплывчатые формулировки «самообеспечение», то к 1943 г. был осуществлен переход на организованную форму снабжения партизан продовольствием. Запрещалось посылать на хозяйственные операции мелкие группы. Для каждой бригады рекомендовалось определить зоны (с подробным перечислением сел и деревень) для заготовок продовольствия [18, л. 40–41]. От командования партизанских отрядов требовалось все заготовки зерна, картофеля, мяса и других продуктов проводить исключительно на добровольной основе, высылая для этого проверенных партизан. Командирам поручалось расследовать случаи ограбления жителей и партизан, совершивших противоправные поступки судом военного времени [14, л. 99–100; 22, л. 10–10об.], оказывать необходимую помощь партизанским и крестьянским семьям; не забирать последнюю корову, а лошадей брать только в случае необходимости перевозки грузов [21, л. 199–200]. Дополнительный сбор продуктов допускался с учетом особенностей каждого крестьянина, его семейного и имущественного состояния [33, л. 170–171].

Летом 1943 г. Советом партизан Вилейской области была подготовлена инструкция – правила поведения партизан в населенных пунктах. Порядок за-

готовки продуктов и обмундирования определялся совместно партизанами и представителями деревни. Сбор осуществлялся самими крестьянами (вот это уже и создавало возможности для конфликтов), партизанские представители только контролировали процесс. Ни в коем случае не разрешалось лезть в шкафы и сундуки. Подобные действия расценивались как мародерство и подлежали наказанию за их осуществление. Мобилизацию лошадей и повозок разрешалось проводить только в усадьбах полицейских и немецких служащих, в отдельных случаях у крестьян, имевших более одной лошади. Конфисковывать имущество можно было только у сотрудничавших с оккупантами граждан. Членов семей полицейских, которые их не поддерживали, расстреливать категорически запрещалось. Партизан, замеченных в жульничестве, присвоении предметов одежды, драгоценностей и интерьера предполагалось наказывать по закону, а награбленное сдавать в фонд обороны. Строгие наказания назначались и за вымогательство водки у крестьян. Руководство требовало от партизан вести себя культурно и вежливо, уважать обычаи и не оскорблять религиозные чувства местного населения [31, л. 95]. Такая тактика партизан достаточно часто помогала добиваться лояльности населения.

Сосуществование местных жителей и партизанских формирований в условиях проводимой гитлеровцами тотальной войны на уничтожение не всегда было безоблачным. К сожалению, в документальных источниках НАРБ исследователи находят подтверждение девиантного поведения бойцов [23, л. 203; 43, л. 179–180, 279–290].

Важнейшим условием налаживания отношений партизан и местного населения стало противодействие продовольственно-имущественному грабежу населения и соблюдение отрядами и бригадами требований своего руководства о возврате незаконно изъятого имущества, скота и продуктов [21, л. 41; 22, л. 10; 28, л. 10]. Местные жители имели возможность подавать письменные обращения-жалобы руководству партизан, что способствовало взаимодействию по искоренению нарушений [24, л. 1–10б.; 41 л. 29; 43, л. 587]. Документы свидетельствуют, что население высказывало резкое недовольство по случаям изъятия партизанами гражданской, особенно женской, одежды и ценностей, продуктов с последующим обменом их на алкоголь [18, л. 123; 35, л. 103–116; 36, л. 24–25; 37, л. 23; 42, л. 55–56]. Сохранились даже журналы учета поступления таких жалоб на действия партизан [51]. Так, имеется приказ № 45 штаба руководства партизанским движением в южных районах Барановичской области, в котором дается четкое указание расследовать крестьянские жалобы в 5-дневный срок, изучать все заявления крестьян и при подтверждении данных фактов вернуть последним скот, а виновных в незаконном изъятии скота привлечь к строжайшей ответственности [24, л. 1–10б]. Анализ архивных документов свидетельствует, что на территории Беларуси без оповещения местных формирований и договоренности с населением, иногда появляясь под видом полицейских, проводили свои продуктовые заготовки отряды из соседних регионов РСФСР и УССР [7, л. 96; 27, л. 306; 37, л. 35–36; 41, л. 75; 44, л. 254; 49, л. 37].

Перед лицом угрозы со стороны партизан гитлеровцы активно создавали лжепартизанские группы, которые не только забирали у местных жителей одежду, продукты и другие вещи, но и терроризировали население. В качестве примера можно сослаться на сохранившиеся архивные материалы по Кличевскому району Могилевской области (банда, состоящая из жителей д. Михалово, возглавляемая дезертиром Мамедовым) [15, л. 201]. В источниках приводятся примеры, что некоторые из перевербованных бывших полицейских не соответствовали установленному образу партизан: в донесении 1-й Белорусской партизанской бригады за 1943 г. сообщается о разрушении одним из таких «партизан» 11 колодцев в д. Круглица [26, л. 44]. Документы свидетельствуют о единичных случаях нахождения в рядах партизан лиц с уголовным прошлым. За совершенные такими лицами противоправные действия наказывали по всей строгости закона [39, л. 56].

Сложности в отношениях с местными крестьянами могли возникнуть и по причине непродуманных приказов партизанского руководства. Командиры по-разному понимали требование нейтрализации огневых точек противника и уничтожения имущества «самооховцев» в населенных пунктах [9, л. 11–15; 43, л. 181; 48, л. 89]. Мнение руководства партизанским движением о таких действиях представлено в письме начальника ЦШПД П. К. Пономаренко за 17.03.43 г.: «ЦК КП(б)Б не может терпеть дальше позорного поведения командиров и комиссаров отрядов, когда они в качестве репрессий против нескольких полицейских или под видом стремления лишить немцев места для расквартирования, сжигали и продолжают сжигать целые деревни» [9, л. 11, 14–15].

Сегодня можно услышать мнение о безудержном пьянстве партизан и попустительстве начальства. Отрицать существование отдельных случаев подобного явления нельзя. В то же время высшее партизанское командование никогда не способствовало пьянству своих подчиненных. Как отмечалось в приказе отряда М. Бирюлина бригады М. Шмырева, «пьянство и барахольство превращают отряд в кучку аполитичных обывателей» [35, л. 12]. Руководство ЦШПД и БШПД постоянно требовало искоренения этого зла, о чем свидетельствует, например, приказ № 22 по группам партизанских отрядов Минской и Полесской областей от 16.01.43 г. [42, л. 55–56].

Много споров в настоящее время вызывают действия партизан по предотвращению шпионажа и подрывной деятельности. Требования военного времени до середины 1943 г. допускали применение самых строгих санкций в отношении шпионов и их родственников. В то же время приметы шпионов могли быть настолько общими, что под них попадало множество людей. В ряде случаев местные жители могли оклеветать друг друга за прошлые обиды [31, л. 47; 34, л. 57]. Руководству отрядов приходилось проводить детальные проверки поступавших сообщений [29, л. 21–27; 40, л. 163; 35, л. 40, 65]. Руководство партизанских бригад Витебской и Вилейской областей еще в 1942 г. потребовало прекратить расстрелы в отрядах без санкции командования бригады лиц, подозреваемых в шпионаже. Всех задержанных требовали конвоировать

в штаб бригады [4; 22, л. 38–38об.; 31, л. 35; 35, л. 21]. В случаях принуждения граждан захватчиками к сотрудничеству с ними под страхом смерти предполагалось не применять высшую меру [26, л. 46]. Факты подобных расстрелов планировалось рассматривать как «вопиющее безобразие и политическую слепоту». В то же время в документах сохранилось и значительное количество примеров обоснованных жестких санкций партизан. Так, из служебной записки М. Шмырева в Суражский РО НКВД летом 1942 г. следует, что бригадой арестована гражданка, распространявшая среди населения слухи об уничтожении партизанами всех мужчин при вступлении в деревни [34, л. 18].

Руководящими органами противоправные действия в отношении местных жителей трактовались как преступления. В документах НАРБ мы находим множественные подтверждения активного принятия мер для противодействия правонарушениям [12, л. 38–41; л. 215–217об.; 14, л. 4–7; 28, л. 10]. К злостным нарушителям в большинстве случаев применялись жесткие меры, вплоть до расстрела на глазах у населения деревни, в которой совершено правонарушение [19, л. 36; 20, л. 66–68; 43, л. 78]. Партизанское командование предпринимало и меры по предотвращению беспричинной стрельбы партизан в деревнях, так как это могло вызвать ответные действия оккупантов [35, л. 64]. «За повторение негативных вышеуказанных фактов ответственность нес не только боец, совершивший преступление, но и командир этого отряда по всем законам военного времени» [24, л. 1–1об.]. В случае неподобающего партизанам поведения с должностей снимались и руководящие чины партизанских формирований [42, л. 55–56]. Важно отметить, что даже столкнувшись с противоправными действиями партизан, местные жители обещали и в будущем оказывать помощь бойцам лесного фронта [23, л. 203].

Изучение документов НАРБ и БГМИВОВ продемонстрировало репрезентативность сохранившегося комплекса советских источников о взаимоотношениях партизан и местного населения. Имеющиеся источники дают возможность определить основные направления сотрудничества и обозначить факторы, осложнявшие добрососедское сосуществование партизан и местных жителей в период оккупации. Знакомство с документами позволило сделать вывод, что самым сложным с точки зрения взаимоотношений партизан с местными стал 1943 год.

Анализ архивных материалов позволил выделить основные критические этапы в формировании отношений партизан и местного населения. Безосновательным выглядит обвинение советских партизан в использовании местного населения как невежественной массы, в отсутствии у партийного и советского руководства норм права и морали, разжигании межнациональной розни. Сохранившиеся документальные архивные и музейные источники как раз демонстрируют постоянные меры по пресечению преступлений и нарушений со стороны бойцов по отношению к местным крестьянам. Наличие двойного контроля, со стороны партийных органов и партизанского руководства, сыграло глубоко положительную роль, позволило сохранить боеспособными отряды, а девиантным проявлениям не перейти критическую черту.

Источники

1. БГМИВОВ. – Ф. инв. № 11803.
2. БГМИВОВ. – Ф. инв. № 147511.
3. БГМИВОВ. – Ф. инв. № 20515.
4. БГМИВОВ. – Ф. инв. № 49641.
5. БГМИВОВ. – Ф. инв. № 33776.
6. БГМИВОВ. – Ф. инв. № 37973/1–6.
7. НАРБ. – Ф. 4п. – Оп. 33а. – Д. 160.
8. НАРБ. – Д. 184.
9. НАРБ. – Д. 187.
10. НАРБ. – Д. 257.
11. НАРБ. – Д. 289.
12. НАРБ. – Д. 484.
13. НАРБ. – Д. 495.
14. НАРБ. – Д. 497.
15. НАРБ. – Ф. 1350. – Оп. 1. – Д. 107.
16. НАРБ. – Ф. 1399. – Оп. 1. – Д. 242.
17. НАРБ. – Д. 244.
18. НАРБ. – Д. 287.
19. НАРБ. – Д. 292.
20. НАРБ. – Д. 300.
21. НАРБ. – Д. 363.
22. НАРБ. – Д. 386.
23. НАРБ. – Д. 624.
24. НАРБ. – Д. 733.
25. НАРБ. – Ф. 1400. – Оп. 1. – Д. 76.
26. НАРБ. – Ф. 1401. – Оп. 1. – Д. 134.
27. НАРБ. – Д. 483.
28. НАРБ. – Д. 226.
29. НАРБ. – Ф. 1402. – Оп. 1. – Д. 164.
30. НАРБ. – Д. 188.
31. НАРБ. – Д. 165. – Д. 21–27.
32. НАРБ. – Д. 191.
33. НАРБ. – Д. 193.
34. НАРБ. – Ф. 1403. – Оп. 1. – Д. 68.
35. НАРБ. – Д. 103.
36. НАРБ. – Д. 209.
37. НАРБ. – Д. 319.
38. НАРБ. – Ф. 1404. – Оп. 1. – Д. 79.
39. НАРБ. – Ф. 1405. – Оп. 1. – Д. 774.
40. НАРБ. – Д. 792.
41. НАРБ. – Д. 805.
42. НАРБ. – Ф. 1450. – Оп. 3. – Д. 52.
43. НАРБ. – Оп. 4. – Д. 16.
44. НАРБ. – Ф. 3500. – Оп. 4. – Д. 24.
45. НАРБ. – Ф. 1450. – Оп. 4. – Д. 41.
46. НАРБ. – Ф. 3500. – Оп. 4. – Д. 59.
47. НАРБ. – Оп. 2. – Д. 98.
48. НАРБ. – Оп. 4. – Д. 245а.
49. НАРБ. – Ф. 4161. – Оп. 1. – Д. 2.
50. НАРБ. – Ф. 4208. – Оп. 1. – Д. 4.
51. НАРБ. – Ф. 1405. – Оп. 2. – Д. 372.